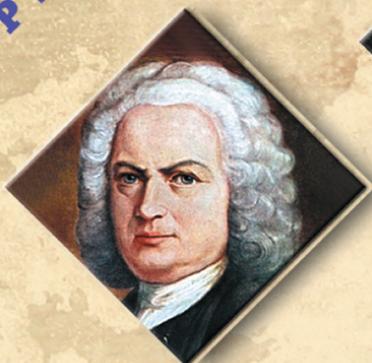
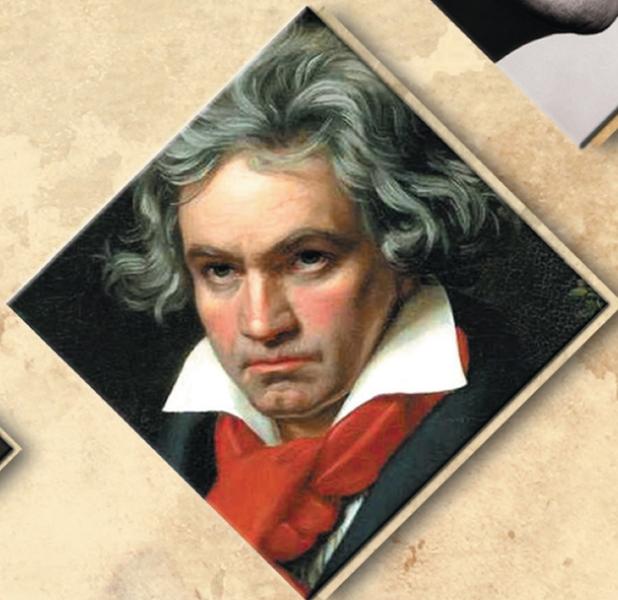
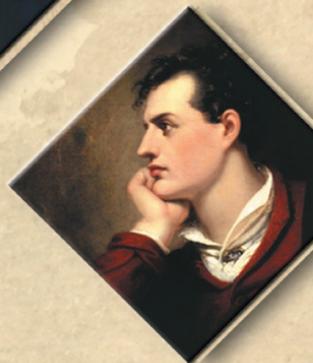
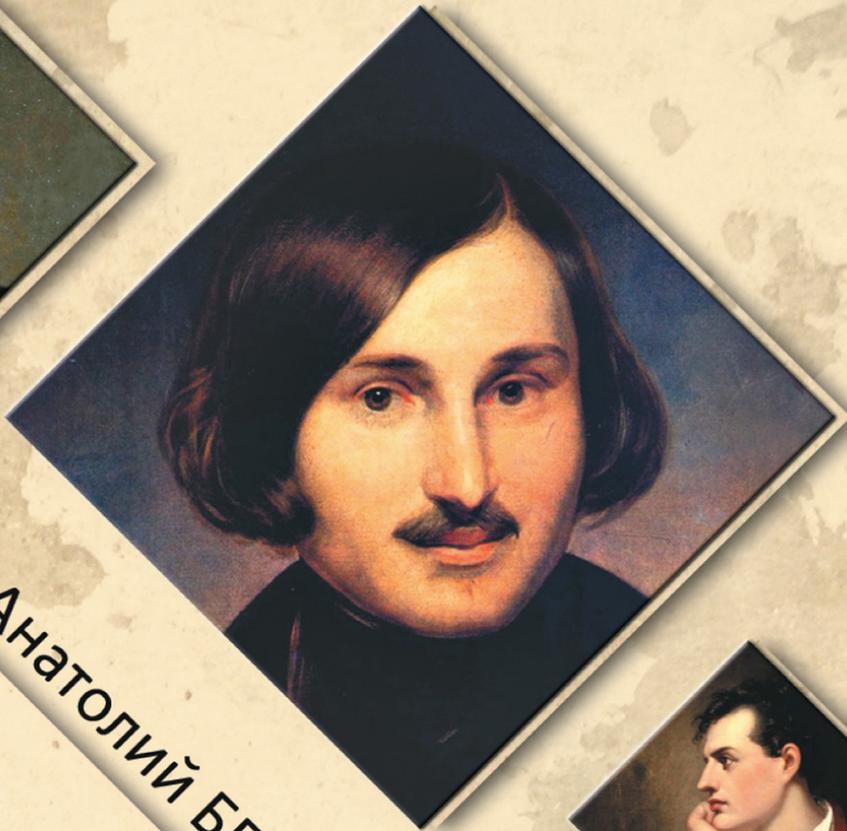

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГЕНИЕВ

Анатолий БЕРНАЦКИЙ

СТРАННОСТИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Странности великих людей

Анатолий Бернадский
Тайная жизнь гениев

«ВЕЧЕ»

2016

Бернацкий А. С.

Тайная жизнь гениев / А. С. Бернацкий — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Странности великих людей)

ISBN 978-5-4444-8787-7

Жизнь великих людей всегда наполнена загадочным, необычным, а иногда и несуразным. Эти малоизвестные грани их личности могут вызывать не только удивление, но и ужас. Были ли Бомарше и Хемингуэй шпионами? Какая мистика присутствует в картинах Репина? Какими пороками обладали Бальмонт и Булгаков? Чего боялись Гоголь и Петрарка? О многих неизвестных сторонах жизни гениев рассказывает книга Анатолия Бернацкого.

ISBN 978-5-4444-8787-7

© Бернацкий А. С., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Глава 1. Любовь зла	6
Данте и Беатриче: тайна великой любви	6
Лаура: загадочная муза великого поэта	7
Итальянская любовь Кипренского	9
Любовь двух гениев	10
Красные розы для Штрауса	12
Украинская любовь Бальзака	14
Верди и Джузеппина	18
Гектор Берлиоз: слезы любви и горя	21
Тайная любовь Сезанна	25
Идеал Рембрандта	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анатолий Сергеевич Бернацкий

Тайная жизнь гениев

© Бернацкий А.С., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Глава 1. Любовь зла

Данте и Беатриче: тайна великой любви

Впервые Беатриче предстала пред взором Данте в 1275 году в 10-летнем возрасте. Он же был старше ее всего на несколько месяцев.

Она была одета «в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту». С того дня образ юной Беатриче навсегда завладел сердцем юного Данте.

И он стал ощущать постоянное желание видеть свою возлюбленную. «Часто он (Амор) приказывал мне отправляться на поиски этого юного ангела; и в отроческие годы я уходил, чтобы лицезреть ее. И я видел ее, столь благородную и достойную хвалы во всех ее делах...»

Однако в течение всего этого времени он ни разу не заговорил с богиней своего сердца. Ему даже не посчастливилось услышать ее голос.

Но спустя девять лет произошло событие, положившее начало любви, которая приобрела чуть ли не космический масштаб. Об этой истории Данте рассказал в «Новой жизни»: «Пройдя, она обратила очи в ту сторону, где я пребывал в смущении... она столь доброжелательно мне поклонилась, что мне казалось – я вижу все грани блаженства... я преисполнился такой радостью, что, как опьяненный, удалился от людей, уединяясь в одной из своих комнат...»

Но кто же была эта удивительная девушка, которая одним легким кивком смогла осчастливить величайшего поэта Италии? Сам Данте не только не назвал ее имени, но и сделал все возможное, чтобы как можно надежнее его скрыть. И это ему удалось. Даже те, с кем Данте постоянно общался, не могли раскрыть его тайну.

В своих сонетах поэт называет ее Беатриче, что означает «дающая блаженство». Но действительно ли она так звалась? Не вымышленный ли это образ, вдохновлявший Данте на создание величайших произведений?

Исследователи творчества великого итальянца установили, что в те годы жил во Флоренции богатый банкир Фолько Портинари. Именно его дочь и воспел поэт. Родилась она в 1267 году, спустя 20 лет вышла замуж, а в 1290 году отошла в мир иной в 23-летнем возрасте.

Ее смерть Данте воспринял чуть ли не как всемирную трагедию. И долго оплакивал свою Беатриче. После ее смерти никто не видел даже едва заметной улыбки на лице Данте. Свое душевное состояние поэт излил в книге «Новая жизнь».

Тем не менее смерть Беатриче не стала препятствием для женитьбы Данте. Его супругой стала Джемма Донати. С ней его обручили в одиннадцатилетнем возрасте. Его же невесте едва исполнилось шесть лет. Она была дочерью некоего Монетто – одного из членов могущественного дворянского рода Флоренции – Донати.

Конечно, поэт понимал, что, женившись на Джемме, он совершил предательство по отношению к Беатриче. Но Данте не смог загасить свои чувства. Впоследствии он писал: «Частое свидание с этой донною довело до того, что мои глаза находили уже слишком большое удовольствие ее лицезреть. Вследствие этого я испытывал горе, я осуждал свою слабость и даже несколько раз проклинал суетность моих очей... Проклятые глаза, слезы никогда не должны были переставать течь из вас, разве только после вашей смерти».

Джемма родила троих детей и пережила великого поэта на несколько лет. Какое влияние она оказала на творчество поэта, сказать сложно. Ведь Данте о ней даже не упоминает в своих стихотворениях, а это, скорее всего, свидетельствует о том, что возвышенных чувств он к ней не питал и поэтической музой она для него не была.

Лаура: загадочная муза великого поэта

«Лаура, известная своими добродетелями и долго прославляемая моими песнями, впервые предстала моим глазам на заре моей юности, в лето Господне 1327, утром 6 апреля, в соборе Святой Клары, в Авиньоне. И в том же городе и также в апреле и также шестого дня того же месяца, в те же утренние часы в году 1348 покинул мир этот луч света, когда я случайно был в Вероне, увы! о судьбе своей не ведая. Горестная весть через письмо моего Людовика настигла меня в Парме того же года утром 19 мая. Это непорочное и прекрасное тело было погребено в монастыре францисканцев в тот же день вечером. Душа ее, как о Сципионе Африканском говорит Сенека, возвратилась, в чем я уверен, на небо, откуда она и пришла. В память о скорбном событии, с каким-то горьким предчувствием, что не должно быть уже ничего, радующего меня в этой жизни, и что, после того как порваны эти крепчайшие сети, пора бежать из Вавилона, пишу об этом именно в том месте, которое часто стоит у меня перед глазами. И когда я взгляну на эти слова и вспомню быстро мчащиеся годы, мне будет легче, с божьей помощью, смелой и мужественной думою, покончить с тщетными заботами минувшего, с призрачными надеждами и с их неожиданным исходом».

В этих строках Петрарка, по сути, рассказал историю своей любви. Документов, которые бы так строго и тщательно изучались литературоведами, известно не много. Тем не менее исследователи не смогли за этими строками увидеть образ молодой девушки, представшей в тот апрельский день перед взором великого Петрарки. А ведь именно ей он посвятил более трехсот сонетов.

6 апреля 1327 года... В одном из сонетов, в котором поэт описывает это событие, говорится, что тогда была Страстная пятница. Однако, как оказалось, в тот день был Страстный понедельник. Что это: забывчивость поэта? Или, может, причина в другом? Кто знает.

Что же касается собора Святой Клары, то о нем ни в одном из своих сонетов Петрарка тоже не упоминает. Ведь в поэтических произведениях поэта Лауру можно встретить или на берегу реки, неторопливо несущей свои воды среди лугов, или неподалеку от многовековой дубравы. Ее окружают бескрайние просторы, голубое небо и яркое солнце.

В сонетах ее имя привязано к золоту, лавру, к нежным воздушным струям: *l'aureo crine* – золотые волосы, *lauro* – лавр, *l'aura soave* – приятное дуновение. Эти таинственные реминисценции заставляли исследователей предполагать, что Лаура – это всего лишь поэтический образ. И в реальности она не существовала.

К тому же так думали и многие современники Петрарки. Например, Боккаччо, с которым поэт находился в дружеских отношениях, писал: «Я убежден, что Лауру следует понимать аллегорически, как лавровый венок, которым Петрарка позднее был увенчан».

Еще один современник и товарищ Петрарки, Джакомо Колонна, тоже неоднократно заявлял, хотя и в шутовском тоне, что поэт придумал прекрасное имя Лауры лишь для того, чтобы все говорили о нем.

Безусловно, самым веским доказательством того, что Лаура действительно существовала, могли бы стать документальные свидетельства. Поэтому многие биографы поэта неоднократно пытались их отыскать.

Наиболее известными из таких свидетельств являются те, в которых говорится о некоей Лауре де Нов – матери одиннадцати детей. Эту многодетную мать влиятельный род де Садов даже отнес к своим предкам. Представители рода весьма серьезно отнеслись к образу Лауры и якобы даже обнаружили в 1533 году ее могилу. Правда, к этой находке серьезные ученые отнеслись с недоверием.

Также известно, что друг Петрарки – Симоне Мартини – написал портрет Лауры. Впрочем, вероятнее всего, это была миниатюра, поскольку Петрарка неоднократно упоминает, что никогда с портретом не расстается.

Существует также гипотеза, что Лаура поэта – это одна из женщин на фреске Симоне Мартини в часовне Святого Иоанна. Более того, она находится на переднем плане в процессии женщин: на ней голубые одежды и алая лента в золотистых волосах.

Однако главным доказательством реальности Лауры являются сонеты самого поэта. Внимательно читая их, можно почти явственно представить историю великой любви поэта...

Итак, в Страстный понедельник 1327 года в авиньонской церкви поэт увидел необычайной красоты даму, в которую моментально влюбился. Это и была Лаура, чей образ запечатлен во множестве сонетов Петрарки. Вероятно, в то время она была совсем молодой девушкой. Однако поэт не перестал любить ее и тогда, когда Лаура стала матерью и, конечно же, годы отняли у нее и ее божественную красоту.

Весть о том, что Петрарка страстно влюблен, вскоре разнеслась по всему городу. И этого своего чувства поэт ни от кого не скрывал. Наоборот, в своих многочисленных сонетах он изливал все кипевшие в нем чувства. Причем представлял их в таких поэтических образах, что Лаура, безусловно, обратила на них внимание.

Конечно же, ей льстило такое восторженное отношение знаменитого поэта к ее персоне. И Лаура не осталась глуха к его душевным излияниям. Тем не менее она пыталась сдерживать страстные порывы Петрарки, опасаясь, что сама станет их жертвой. Но в то же время Лаура и не отталкивала поэта. Но повода для сближения она тоже не давала.

С годами Лаура начала относиться к своему возлюбленному снисходительнее: например, стала отвечать на его поклоны. Более того, как-то раз, увидев поэта, в ее присутствии погруженного в мечты, она даже коснулась рукой его щеки...

Любовь к Лауре ярким пламенем горела в сердце поэта целых двадцать лет, то есть пока она была жива. И, судя по сонетам Петрарки, никогда не угасала.

Итальянская любовь Кипренского

В свой первый приезд в Италию русский художник-портретист Орест Адамович Кипренский (1782–1836) для модели молодой вакханки в картине «Пляска вакханки с сатиром» пригласил девочку по имени Мариучча – дочь женщины легкого поведения. Там же, в Италии, Кипренский написал и портрет юной особы, известный как «Девочка в маковом венке».

Все то время, когда Орест Адамович писал картины с участием Мариуччи, ее мать постоянно выпрашивала у него деньги, объясняя свои финансовые претензии тем, что она очень страдает от разлуки с дочерью.

Несколько раз художник откупал у нее девочку. Наконец, в 1823 году, уезжая из Италии в Россию, художник окончательно выкупил Мариуччу у беспутной матери и официально оформил документ на право воспитания ребенка. Благодаря содействию высших церковных чинов Орест Адамович поместил ее в привилегированный монастырь. Выросший без отца и матери, Кипренский был безмерно счастлив, что может отдать часть своей душевной теплоты Мариуччи.

«Как можно оставаться равнодушным, – писал он друзьям, – видя около себя существо, которое живет и дышит только для тебя. Которому мнения мои составляют как бы правило, а желание как бы закон, которое удовлетворяет сердце мое нежностью, уверенность в истинной нерасчетливой любви ревностью, странную в девочке таких лет и показывающей в ней натуру, способную дойти со временем, в отношении меня, до самого высокого самопожертвования...» Увы, как выяснилось позже, Кипренский глубоко ошибся в своих выводах...

В 1828 году Орест Адамович снова прибыл в Италию, где написал картину «Девочка с виноградом». Вся картина словно залита добротой и нежностью. Возможно, теплота, пронизывающая каждый сантиметр полотна, было связана с новой встречей с Мариуччи? Ведь он оставил ее девочкой. Теперь же это была молодая красавица...

А вскоре Кипренский женился на Анне Марии Фалькуччи. Правда, чтобы получить разрешение на брак, художник вынужден был тайно принять католичество.

О своей супруге в одном из писем художник писал: «В настоящее время она одна соединяет в себе для моего сердца, для моего воображения все пространство времени и мира... ни одного чувства, которое бы не относилось к ней, не пробегает в душе моей»...

Но как раз в это время Кипренского начинают преследовать творческие неудачи. Он стал терять заказчиков, что резко сказалось на материальном благополучии семьи.

Терзаемый финансовыми трудностями и подкрадывающейся нуждой, Кипренский, чтобы уйти от реалий жизни, все чаще стал выпивать. А молодая жена, чтобы не видеть мужа в безобразном виде, часто не впускала его на ночь в квартиру. И Кипренского не единожды видели ночующим на улице. Скорее всего, на холоде он однажды и простыл. А 17 октября 1836 года Орест Адамович умер от воспаления легких. Дочь художника Клотильда родилась уже после его смерти.

Любовь двух гениев

История любви любого выдающегося человека всегда интересна, поскольку в ней особенно ярко раскрывается весь его внутренний мир. История же отношений Жорж Санд и Фредерика Шопена интересна вдвойне, поскольку эти два человека являются выдающимися личностями.

Познакомил же их, и это подтверждают многие очевидцы, в 1837 году Ференц Лист. И первое впечатление, которое произвела Жорж Санд на Фредерика, было не в ее пользу. Композитору она показалась некрасивой. Ее лицо с резкими чертами и крупная фигура не вписывались в его идеал женской красоты. Он якобы даже бросил в ее адрес следующие слова: «Какая антипатичная женщина эта Санд! Да и женщина ли она? Я, право, иногда склонен в этом усомниться».

Зато Шопен с первой же встречи понравился Санд. И она стала пытаться привлечь его внимание к себе. А Жорж Санд, если хотела, могла выглядеть просто обворожительной.

Но для этого требовался случай. И он вскоре представился. Точнее, появился он с подачи Ференца Листа, который уговорил Шопена съездить с ним в Ноан – имение Жорж Санд в Берри. Там Шопен смог ближе познакомиться с хозяйкой, и вскоре его антипатия к ней сменилась любовью.

Говорят – противоположности притягиваются. По сути, это был как раз тот случай. Действительно, Жорж Санд и Фредерик Шопен были чуть ли не антиподами. Как однажды заметил один из исследователей творчества композитора, в этой любви «Шопен был женщиной – нервной, причудливой, слабой и очаровательной, а Жорж Санд – сильным, энергичным мужчиной».

И то ли по стечению обстоятельств, то ли по воле рока, но именно этот деликатный и благовоспитанный человек влюбился в женщину, бросившую мужа, передевавшуюся в мужские наряды, курившую папиросы и проповедовавшую в своих произведениях, а также придерживавшаяся в жизни принципов свободной любви. Что связало их чувства в единый узел, сказать практически невозможно...

Зимой 1838 года влюбленные отправились на испанскую Майорку. Сначала они поселились в гостинице, а затем перебрались в полуразвалившийся картезианский монастырь. Мебели, кроме старых стульев, в монастыре не было. Но благодаря вещам, которые Жорж Санд приобрела у эмигрантов, она смогла создать в комнатах хоть какой-то уют и жилой вид.

Но романтику монастырской жизни, протекавшую первое время в ореоле любви, вскоре стали омрачать жизненные неурядицы. Так, неожиданно заболел Шопен, к тому же его болезнь все более прогрессировала. Но благодаря уходу Санд и благотворному климату болезнь отступила.

Помимо пошатнувшегося здоровья Шопена, жизнь на Майорке омрачали и многочисленные бытовые неудобства. Это – и дороговизна самой жизни, и несложившиеся отношения с местным населением, и даже плохая еда. Но главной неприятностью стала погода, которая вдруг резко поменялась, и вместо яркого солнца зарядили проливные дожди.

Все это, вместе взятое, негативно отразилось на настроении композитора, который стал чрезвычайно нервным и капризным. И Жорж Санд должна была терпеть его детские капризы и раздражительность. Практически весь день она не отходила от Фредерика, и только ночами работала над очередным романом...

В мае Санд и Шопен оставили Майорку и вернулись сначала в Ноан, а затем отбыли в Париж. Первое время они поселились отдельно друг от друга. Но спустя недолгое время стали жить вместе.

Об амурных отношениях Санд и Шопена ходило немало самых противоречивых слухов. Одни говорили, что эта любовь доставляет композитору одни душевные мучения. Например, писательница якобы обращалась с ним грубо и почти с нескрываемым пренебрежением.

Другие очевидцы придерживались совсем иной точки зрения. Так, Адольф Гутман – любимый ученик Шопена – говорил, что Санд, наоборот, относилась к композитору чуть ли не с материнской заботливостью и они почти ни разу не ссорились.

Кто в данном случае прав, а кто виноват, определить довольно сложно. Возможно, в обществе они вели себя в соответствии с принятыми нормами. А вот наедине могли дать волю накопившимся негативным эмоциям.

Но какие бы отношения ни сложились между Санд и Шопеном, спустя десять лет после знакомства, в 1847 году, они расстались. Причин для подобного финала было немало. Так, Жорж Санд очень любила музыку, в то время как композитор к литературе относился почти с безразличием.

К тому же Фредерик имел очень тяжелый характер. На публике он был мил и обаятелен, дома впадал в ипохондрию и дни напролет был не в духе. Особенно часто это происходило во время болезни композитора.

К тому же в последние годы Санд изменяла ему. Композитор это знал и, даже сознавая свое унижительное положение, не мог порвать свои отношения с Санд. Этот факт говорит о том, насколько сильно Шопен был влюблен в Санд.

И кто знает, как долго продолжалась бы эта неопределенность в отношениях Шопена и Санд, если бы не роман Жорж Санд «Лукреция Флориани», вышедший в свет в 1847 году. Сюжет этого произведения во многом напоминал историю отношений композитора и романистки: изнеженный и избалованный князь Кароль влюбляется в известную актрису Лукрецию Флориани, у которой трое детей от разных отцов. И любой, кто хотя бы мельком был знаком с биографией композитора, легко мог определить, что между ним и Каролом много общего. Можно лишь предположить, какой удар нанесла книга Санд по самолюбию Шопена. Но он снес эту публичную пощечину...

Конец отношениям двух выдающихся людей своей эпохи положила ссора Санд с дочерью, которая накануне вышла замуж. Романистка запретила ей появляться в своем доме, а также написала Шопену, чтобы тот тоже последовал ее примеру. Но Фредерик ослушался свою возлюбленную. Сама же Санд считала, что причиной их разлуки стала ссора Шопена с ее сыном...

После этого конфликта они виделись лишь однажды. Правда, когда композитор находился при смерти, Санд решила навестить его. Однако друзья Шопена запретили ей делать это, считая, что сильное волнение плохо скажется на его состоянии. А ведь Шопен ждал ее. Об этом он признался одному из своих друзей: «Она обещала мне, что не даст мне умереть без нее, что я умру у нее на руках». Но все произошло совсем по-другому...

Красные розы для Штрауса

В 1858 году австрийский композитор Иоганн Штраус побывал в России, точнее, в петербургском Павловске. С первых же дней он вызвал бурю страстей у молодых экзальтированных поклонниц его таланта. Доказательством служили десятки букетов, каждый вечер появлявшихся в его артистической уборной. И почти всегда к цветам прилагались записки – то восторженные, то интригующие, то откровенно любовные.

Однако, едва просмотрев, Иоганн откладывал их в сторону: и в Вене, и во время гастролей за границей он привык к этим мимолетным сентиментальностям женских сердец. Легкие приключения его интересовали мало: молодому, увлеченному романтическими образами композитору хотелось возвышенных чувств, большой и светлой любви.

И вот однажды грёзы стали явью. Как-то летом 1858 года во время одной из прогулок композитора представили девушке Ольге. Они сразу понравились друг другу и уже в течение этого же дня буквально не отходили ни на шаг один от другого. Некоторое стеснение, неизбежное при случайном знакомстве, быстро исчезло, и они, непринужденно беседуя, почти до самого вечера гуляли по тихим аллеям парка.

И когда яркие лучи летнего солнца коснулись верхушек деревьев, а из тени кустов выбрались легкие сумерки, Ольга неожиданно прервала разговор. И в ответ на удивленный взгляд Штрауса смущенно произнесла, что сегодня уже поздно, и деловито протянула руку на прощание.

– Тогда завтра? – неуверенно спросил Иоганн. Ольга какое-то время молчала, и когда Штраус задержал на мгновение ее маленькую ручку в своей, она прошептала: «Завтра вы получите от незнакомки красные розы, мэтр Жан!» Но пока Штраус раздумывал над словами Ольги, она уже скрылась за поворотом в аллее.

На второй день композитор действительно получил букет красных роз. Нетерпеливым движением он вскрыл приложенный к ним конверт. Ольга соглашалась на встречу в полдень у Храма дружбы. В назначенное время Иоганн с волнением вглядывался в прогуливавшихся недалеко павловских красавиц. Он верил и не верил полученному ответу. И только когда увидел знакомую фигурку, с облегчением вздохнул.

За первой встречей последовали многие другие. Влюбленные уходили от любопытствующих взоров далеко в глубь парка, к «Белым березам», к «Самому красивому месту». Но чаще всего их прогулки совершались в одном направлении: через Новую Сильвию в Красную долину.

С каждым днем чувства Иоганна к Ольге разгорались все ярче и ярче. Он уже не мог жить без нее. И это был безусловный сигнал о том, что он влюбился. И этими своими глубинными чувствами к Ольге ему вдруг захотелось с кем-нибудь поделиться. В ту пору самым близким для него человеком в Петербурге был Август Лейброк, давно обосновавшийся в России австриец, оказывавший немалую помощь Штраусу в его коммерческих делах, в частности в организации концертов.

Услышав об Ольге, Лейброк сразу же попытался объяснить земляку, что он ей не пара. Она – дочь генерала, он же – всего лишь капельмейстер, хотя талантливый и пользующийся исключительным успехом.

Но Штраус в ответ лишь качал головой, не желая верить словам Лейброка. Ведь он считал Ольгу девушкой особенной, не похожей на других ее сверстниц. И эта вера в ее неповторимость полностью лишила Иоганна трезвого взгляда на возникшие обстоятельства.

И Лейброк, поддавшись очарованию чистого чувства, стал наперсником и помощником в их сердечных делах. В дни, когда Ольга не могла встречаться с Иоганном, они посылали друг другу записки. И солидный, уважаемый Лейброк отправлялся за любовными посланиями,

почтовым ящиком для которых служило дупло старого дуба, раскинувшего ветви недалеко от Храма дружбы.

В свиданиях и записках пролетали за днями дни. Лето шло к концу. Закрывались дачи, отдыхающие возвращались в Петербург. Подходил к завершению и концертный сезон. А это значило, что и Штраус вскоре должен будет уехать на родину.

Теперь все свободное время влюбленные проводили вместе, гуляя по давно знакомым, полюбившимся им местам. Понимая, что час разлуки близок, они тем не менее пока не сказали друг другу главного. Наконец Иоганн не выдержал и стал просить Ольгу поговорить с родителями: перед отъездом он хотел сделать официальное предложение. Ольга долго отказывалась, но под напором Иоганна согласилась.

Ольга предполагала, что мать будет против сватовства Штрауса, но гнев родительницы превзошел самые мрачные предчувствия дочери. Отправив дочь под строгий надзор в Петербург, она поспешила к Штраусу. При встрече с композитором она потребовала, чтобы он забыл об Ольге и вернул ее письма.

Оскорбленный в самых сокровенных чувствах, Штраус молчал. Евдокия Акимовна (так величали мать Ольги) просила, требовала, угрожала. Однако ей пришлось уйти ни с чем. Но эта его победа особой радости ему не принесла: он по-прежнему не мог видеться с Ольгой. Единственное, что их связывало в эти дни, так это переписка, которая продолжалась благодаря усердию Лейброка и Полины – сестры Ольги.

Перед отъездом, несмотря на все предосторожности Евдокии Акимовны, Штраусу удалось встретиться с Ольгой у Лейброка. Он увидел ее грустной, но спокойной и по-прежнему любящей. Она первая сказала Иоганну, что их разлука кратковременна, всего на несколько месяцев. Весной, когда он вернется в Петербург, они тайно поженятся, и он увезет ее.

Штраус уехал. Но переписка между влюбленными продолжалась. И вдруг весной писем не стало. Когда взволнованный, полный недобрых предчувствий Иоганн прибыл в Петербург, он застал Ольгу в глубоком трауре: трагически погиб ее единственный и горячо любимый 18-летний брат.

Как непохожа была эта встреча на их прощание полгода назад! Ольга вся ушла в свое горе. Иоганн пытался восстановить ту душевную близость, гармонию чувств и мыслей, которые присутствовали в их отношениях раньше. Но Ольга отдалялась от него.

Однажды, когда они молча прогуливались по Александровскому парку в Царском Селе, Ольга сказала, что их прошлогодние надежды и планы стали нереальными: после смерти брата она не может ни покинуть родителей, ни выйти замуж вопреки их воле... Они еще время от времени встречались, но решение Ольги было непоколебимо...

Украинская любовь Бальзака

Богатая аристократка из далекого украинского села Верховня Эвелина Ганская (в девичестве Ржевусская) появилась в жизни писателя случайно. Молодая, симпатичная женщина, которой едва минуло тридцать лет, однажды прочитала роман Бальзака «Шагреновая кожа». И то ли от скуки, то ли из желания хотя бы как-то разнообразить свой быт написала автору письмо, в сочинении которого, помимо самой Ганской, участвовали две ее сестры, а также воспитательница единственной дочери Ганской мадемузель Анриетта Борель (уменьшительно Лиретта). Но письмо она отправила не только без обратного адреса, но даже не назвала своего настоящего имени, а только подписалась таинственным словом «Чужестранка». Правда, снабдила его печаткой «Diis ignotis» («Неведомым богам»).

Письмо легло на стол писателя 28 февраля 1832 года. Оно было одним из тех сотен посланий, которыми Бальзака буквально засыпали поклонницы. Однако, несмотря на загруженность, Оноре почти всегда отвечал на письма (даже если за него это делала его верная, почти лишенная ревности приятельница Зюльма Карро).

Но как ответить на письмо из Украины? Ведь обратного адреса таинственная Незнакомка ему не сообщила. Однако изобретательный Бальзак придумал оригинальный выход. Как раз в это время в печати находилось переработанное издание «Сцен частной жизни», а одна из новых новелл – «Искушение» – еще никому не была посвящена. Бальзак незамедлительно отослал в типографию распоряжение разместить на первой странице латинскую фразу «Diis ignotis» и поставить рядом с ней дату того дня, когда на его письменный стол лег конверт с письмом от Незнакомки. А произошло это 28 февраля 1832 года. Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает: его верная де Барни, которая все еще продолжала править корректуры его произведений, увидела в таинственной посланнице конкурентку и убрала латинскую фразу.

Впрочем, следует думать, что мадам Ганская вовсе и не ждала ответа на свое послание: как-никак, а она очень красноречиво это подтвердила тем, что не оставила никаких о себе следов. Понимая это, аристократка из украинской глуши пишет второе, а затем и третье письмо Бальзаку. Пока для нее это только забава, которая, увы, украинской аристократке не просто начинает нравиться, но и увлекает ее, как и любую женщину, своей романтичностью и оригинальностью. Тем более что пятидесятилетний муж уже ничего не может дать для ее страстной плоти и развитого духа.

Но, как это часто случается, любопытство порождает изобретательность. У госпожи Ганской вдруг появляется желание поближе познакомиться с кумиром всех женщин Европы. И она делает очень решительный шаг. Чтобы выяснить, дошли ли ее послания к великому французу, она вместе со своими наперсницами 7 ноября 1832 года предлагает Бальзаку подтвердить получение ее писем объявлением в газете. «Одно слово в “Котидьен” даст мне уверенность, что вы получили мое письмо и что я могу писать вам без опасений. Подпишите свое объявление: “Ч. е О. Б.”», – таким образом она выразила свое предложение.

И вот, наконец, 8 января 1833 года Ганская дождалась ответа: в парижском номере газеты «Котидьен», датированной 9 декабря 1832 года, в рубрике «Объявления», она прочла: «Господин де Б. получил обращенное к нему письмо. Только сейчас он может подтвердить это при посредстве газеты и сожалеет, что не знает, куда направить ответ. Ч. е О. де Б.».

Итак, начало было положено, а лучше сказать, разыграно. И великий Оноре вроде бы даже очень легко попался, а затем, как показала жизнь, запутался в этой женской ловушке, построенной из скуки, тщеславия и экзальтации. Но при этом следует признать, что, обремененный долгами и жаждой денег, писатель шел к этому союзу с четким планом в голове: он всю жизнь нуждался в деньгах и поэтому постоянно стремился соединить свою страстную натуру с судьбой богатой женщины.

Госпожа Ганская после этого объявления наконец-то решилась по-настоящему вступить в переписку с великим французом. Но хитроумная женщина, понимая, что полученные из Парижа письма в ее адрес могут вызвать непонимание со стороны ее пятидесятилетнего мужа, решает, что всякие подозрения отпадут, если они будут приходиться в адрес Анриетты Борель. И, таким образом, несчастная Лиретта становится соучастницей любовной игры, которую повела за спиной мужа хитроумная Эвелина. Итак, Ганская вышла из тени и назвала свой домашний адрес, точнее, адрес Анриетты Борель.

И вот, наконец-то, после этого в деталях продуманного шага, она получает ответ из Парижа. Более того, не одно, а целых два письма, правда, одно из них было написано рукой верной писателю Зюльмы.

«Вы, которую я ласкаю, как сладостную иллюзию, – пишет он Незнакомке, – Вы, которая, как упование, проходит сквозь все мои мечты... Вы не знаете, что означает для поэта, когда в его одиночестве появляется столь сладостный образ, чьи контуры, именно потому, что они столь неясны и неуловимы, наполняют его таким восторгом».

И в данной ситуации умудренный жизнью Бальзак неожиданно повел себя как неопытный в любовных интригах юноша. Не зная ни имени своей поклонницы, ни тем более ее внешнего вида, тем не менее в своем третьем письме он уже признается ей в любви. «Я люблю вас, Незнакомка! И это удивительное чувство – только естественное следствие моей всегда унылой и несчастной жизни... Если с кем и могло приключиться что-либо подобное, то именно со мной».

Конечно, трудно поверить, что изложенное на бумаге являлось полной копией того, что творилось в душе писателя. Вероятно, это были всего-навсего стандартные, умело изготовленные фразы, в сочинительстве которых Бальзак, как романист, имел огромный опыт, или, иначе говоря, отрывком из романа, сюжет которого придумал не он, а предоставила ему сама жизнь.

Если поначалу для госпожи Ганской первые письма, отправленные ею в Париж, были всего лишь способом хоть как-то разукрасить свою скучную провинциальную жизнь, то после ответа великого француза ее мысли поменялись. Теперь ее натура потребовала чего-то большего, чем просто изложенных на бумаге слов восхищения: ей захотелось воочию увидеть знаменитого писателя и услышать те же комплименты, но теперь уже из его уст. Заочное, не одушевленное плотью, знакомство вряд ли устраивало и самого Бальзака.

Видимо, сама судьба соизволила вмешаться в столь интригующе начавшийся роман, потому что в начале 1833 года Ганские решают временно покинуть Верховню и отправиться в путешествие по Европе. Лиретту тоже берут с собой, чтобы выступала в качестве воспитательницы дочери Ганских – Анны. Но, помимо этой, как говорится, официальной обязанности, ей вменялась и вторая, невидимая непосвященному оку, задача: она и дальше должна была исполнять свои тайные обязанности посредницы в переписке хозяйки и Бальзака.

Первая остановка – Невшатель, куда Ганские прибывают в июле и снимают «виллу Андре». Почему именно Невшатель? Во-первых, потому – и это самое главное, – что городок расположен совсем рядом с французской границей: если Бальзак все же захочет познакомиться с таинственной Незнакомкой, ему не придется ехать слишком далеко. А во-вторых, здесь живут родители Лиретты: вполне обоснованный аргумент, чтобы развеять подозрения, которые могут вдруг возникнуть у господина Ганского.

Бальзак обо всем уже извещен. Более того, ему рекомендуют остановиться в «Отель дю Фобур», конечно, если он соизволит появиться в Невшателе. И он, для начала введя в заблуждение друзей относительно мотивов своего путешествия, а потом проведя четверо суток в пути, наконец, 25 сентября, попадает, как и было условлено, в «Отель дю Фобур». Там он находит желанное письмо, в котором ему предлагают на следующий день, 26 сентября, между часом и четырьмя пополудни, прибыть на бульвар, чтобы увидеться со своим «любимым ангелом».

А ведь он не знает ни лица, ни даже имени женщины, ради которой прибыл в этот провинциальный городишко.

Но, конечно же, они встретились. Правда, «все пять дней проклятый муж не отставал от нас ни на секунду. Он переходил от юбки жены к моему жилету», – писал впоследствии Бальзак своей сестре. Не обошлось и без вмешательства Анриетты: богобоязненная девица нарочно разъединяла влюбленных. И все-таки, несмотря на столь значимые препятствия, Ганская приняла страстные признания Бальзака в любви и даже позволила ему в тени раскидистого дуба поцеловать себя.

Пять дней пролетели быстро и незаметно, и Бальзак снова возвратился в Париж, чтобы отдаться работе. Правда, на этот раз разлука оказалась недолгой. Всего через три месяца, 23 декабря, он появился в Женеве в отеле «Дель Арк», где нашел привет от Ганской: драгоценный перстень, в который была запаяна прядь изумительно черных волос.

Здесь Оноре провел уже целых сорок четыре дня. В каждый из них он, как обычно, с полуночи до полудня проводил за работой, а по вечерам пытался сломить сопротивление женщины, которая не хотела ему отдаться. Наконец, удача смилостивилась над Бальзаком: после месяца упорного сопротивления Ганская все же нарушает супружескую верность.

А потом они опять не видятся целых восемь лет. Только письма, которыми они регулярно обмениваются, не позволяют окончательно потухнуть их отношениям. Хотя, безусловно, со временем они тускнеют. К тому же у Бальзака в эти годы появляются новые увлечения, о которых украинские и русские доброжелатели постоянно информируют Ганскую...

Но вот утром 5 января 1842 года ему подают письмо с черной печатью. В этом послании доводится до его сведения, что 10 ноября 1841 года господин Ганский скончался. Этот листок бумаги опять становится для писателя новой надеждой.

Он снова начал забрасывать Эвелину письмами, в которых просил разрешения приехать к ней в Верховню. Однако в письме от 21 февраля получил четкое «нет». Зато чуть позже она дала согласие встретиться в Петербурге. И 29 июля 1843 года, после тяжелого морского путешествия, писатель ступил на землю столицы Российской империи.

Как проходила эта встреча, сказать трудно: ведь они не виделись почти восемь лет. Но то, что размолвки между ними не произошло, а, наоборот, их связь окрепла, видно из последующих событий. Хоть и через целых полтора года, но госпожа Ганская снова пожелала увидеться с писателем и весной 1845 года пригласила его в Дрезден. Моментально в ящик стола были брошены рукописи, и в мае он уже рядом с Эвелиной.

Но пребывание в Германии не ограничилось одним Дрезденом. Они посетили также Каннштадт, Карлсруэ, Страсбург. Бальзак и Ганская инкогнито даже побывали в Париже. В конце лета они наведались в Фонтенбло, Орлеан и Бурж. Бальзак даже показал свою родину – Тур. Оттуда они через Роттердам, Гаагу, Антверпен добрались до Брюсселя, откуда Бальзак вернулся в Париж. Но расставание было недолгим. Уже в сентябре он снова появился в Баден-Бадене и провел с семейством Ганской еще две недели. В этот раз они посетили Лион, Авиньон, Марсель, а также побывали в Неаполе.

Теперь Бальзак мог видеться с Ганской настолько часто, насколько ему позволяли время и денежные средства: он словно спешил наверстать упущенное. Однако, несмотря на частую близость, согласия на брак он все еще не получил: госпожа Ганская постоянно находила разного рода отговорки. Она продолжала раздумывать даже после того, как забеременела. Ребенок у нее родился мертвым.

Переломным становится 1847 год. Наконец, в сентябре, Эвелина пригласила Бальзака посетить ее имение Верховню, расположенное недалеко от Бердичева. Здесь он провел почти пять месяцев и не переставал восхищаться ослепительной роскошью и богатством, которые окружали его в особняке Ганской. Однако в середине февраля 1848 года обстоятельства вынудили Бальзака опять вернуться в Париж.

Но в октябре он опять прибыл в Верховню. Но в этот раз путешествие принесло Бальзаку одни только огорчения. Во-первых, он заболел: у него бронхит. Да и сердце в прескверном состоянии. Во-вторых, между ним и Ганской все чаще стали возникать размолвки, в основном по поводу расточительности писателя. Все эти удары судьбы все больше ухудшили его физическое состояние.

Неизвестно, как относился к своему состоянию сам Бальзак, чувствовал ли он, что дни его сочтены, но врачи точно знали, что он обречен. Не исключено, что свое мнение они высказали и госпоже Ганской. И тогда расчетливая женщина поняла, что ее замужество будет недолгим и в течение этого времени Бальзак вряд ли сможет слишком много промотать. Поэтому, скорее всего, она и решилась исполнить последнее, самое заветное желание человека, который столько лет добивался ее руки. Тем более что этот акт позволял ей связать свою жизнь с величайшим из писателей и тем самым обеспечивал ей почти такое же бессмертие.

И вот 14 марта 1850 года в костеле Святой Варвары в украинском городе Бердичеве состоялось венчание. Приглашенных не было. В качестве свидетелей присутствовали только родственники ксендза, проводившего церемонию, и граф Мнишек – зять Ганской.

Но счастье длилось недолго. Уже 18 августа, даже меньше чем через полгода, в 11 часов 30 минут вечера Бальзака не стало. В последние минуты жизни писателя при нем находилась только его мать. А жена в это время спала в соседней комнате.

Верди и Джузеппина

Личная жизнь великого итальянского композитора Джузеппе Верди полна трагедий. И преследовать они начали его спустя недолгое время после того, как в мае 1836 года 23-летний Верди женился на Маргарите Барецци – дочери своего попечителя. В марте 1837 года у них родилась дочь Верджиния. В июле 1838 года он опять стал отцом: на свет появился сын Ичилио. А спустя всего несколько дней судьба наносит Верди первый болезненный удар: в молодой семье внезапно умирает дочь Верджиния.

Через год очередная беда: в начале октября заболел маленький Ичилио, но врачи не смогли разобраться, что за недуг свалился на малыша, и через три недели, 22 октября 1839 года, мальчик умер.

Все это походило на проклятие судьбы. Маргарита находилась в полном отчаянии. Она была буквально раздавлена свалившимся на нее горем. Тенью бродила по комнатам, ничего не ела, только и делала, что плакала. Верди тоже замкнулся в себе.

Однако злой рок продолжал витать над Верди. Маргарита после смерти сына так и не пришла в себя. Она выглядит совсем больной. В начале июня она уже не встает с постели: у нее высокая температура, она бредит. Врач ставит диагноз: энцефалит. И 18 июня 1840 года, вскоре после полудня, Маргарита уходит навсегда.

Верди тяжело переносит трагедию. Смерть жены отозвалась в душе композитора пустотой и безразличием. Его дни ничем не заполнены – ни делами, ни мыслями. Это – мрачные, глухие дни. Однако, находясь даже в таком состоянии, композитор тем не менее вынужден выполнять обязательства. И он в состоянии полной отрешенности, без малейшего желания начинает работать и кое-как заканчивает оперу «Король на час». Естественно, в таком состоянии создать шедевр трудно. Опера, поставленная 5 сентября 1840 года в театре «Ла Скала», терпит фиаско. Оскорбительные выкрики, свист, презрительный хохот – так публика оценила очередное творение Верди...

Казалось бы, такая череда бед может сломать любого человека. И Верди тоже едва выстоял. Он погрузился в состояние полной апатии, какого-то странного недомогания, бесконечной печали и горя. Он с трудом переживает однообразные, похожие друг на друга дни. Кое-как коротает вечера. Питается как придется. Нередко ест только раз в день, ровно в шесть часов вечера. Войдет в харчевню, сядет в углу за столик и сидит, уставившись в белую скатерть, порой за вечер ни с кем не обмолвившись ни словом. Затем торопливо расправляется с едой, накидывает плащ и уходит домой.

Начинаются холода, выпадает первый снег. В комнате зябко, дров для печки он покупает мало. Когда стужа становится невыносимой, он кутается в свой длинный черный плащ, выходит на улицу и долго бродит в полном одиночестве по городу.

Однажды, когда Верди в очередной раз брел по знакомым улицам, композитор случайно встретился с импресарио Бартоломео Мерелли, который буквально всучил ему либретто оперы «Набукко». «Я вернулся домой, – расскажет спустя много лет Верди, – и со злостью швырнул рукопись на стол. Падая, тетрадь раскрылась. Я невольно взглянул на лежавшую передо мной страницу и прочитал: “Лети же, мысль, на крыльях золотых...” Я прочел стихи дальше, и они глубоко взволновали меня. Это был к тому же почти парафраз из Библии, которую я всегда любил читать. Я пробежал одну строфу, другую. Но, все еще твердый в своем намерении вообще не писать больше музыки, сделал над собой усилие, закрыл тетрадь и лег спать. Только где там... “Набукко” сверлил мне мозг, сон не приходил. Я поднялся, прочел либретто не один, не два, не три раза, а много раз, так что к утру, можно сказать, уже знал сочинение наизусть. (...) День – строфа, день – другая, так постепенно опера и была написана»...

Либретто «Набукко» стало для Верди тем спасительным мостиком, который помог ему перебраться с берега страдания, тревоги, апатии, на котором он пребывал последние месяцы, на берег надежды, вдохновения, творческого труда. Опера появляется на сцене «Ла Скала» 9 марта 1842 года и имеет ошеломляющий успех: последние аккорды грандиозного финала заглушают громовые аплодисменты и рукоплескания.

Итак, Рубикон перейден. Снова, охваченный неудержимой страстью творчества, Верди начинает создавать свои бессмертные шедевры. И одновременно влюбляется.

Его пассией становится Джузеппина Стреппони. Ей двадцать девять лет. У нее изящные плечи, запоминающаяся внешность, нежный овал лица, завораживающий взгляд больших, подернутых легкой грустью глаз. Четко обозначенные, точно нарисованные, разделенные пробором густые волосы, крупный нос, правда, ничуть не портящий ее лица. Безусловно, умная и нежная женщина, с умеренным чувством юмора, достаточно образованная. У Стреппони двое детей: их не признал отец, известный тенор.

Она тоже влюбилась в Верди. Безудержная страсть и гениальность этого человека покорили ее. А ведь характер композитора весьма далек от идеала. Он – гордый, упрямый, высокомерный, иногда даже способный на недостойные поступки, властный, заносчивый эгоист. И тем не менее в письмах к миланским знакомым она постоянно интересовалась делами Верди, его здоровьем, планами на будущее, а также тем, как принимает его оперы публика.

В то же время Верди пока не предпринимал решительных действий, хотя Джузеппина и привлекала его больше других женщин. Так, если певица гастролировала в Бергамо, Верди всегда находил возможность побывать в этом городе. Если же она отправлялась в Милан, он напоминал о себе записочкой или букетом цветов.

В конце концов, чувства взяли верх над разумом. Находясь в Париже, в ноябре 1847 года Верди убедил себя, что спутницей его жизни станет Джузеппина Стреппони. Правда, о браке он пока разговора не заводил. Но Джузеппина все равно счастлива. Так же как и Верди. Они полюбили друг друга.

Но эту любовь нередко омрачали внешние обстоятельства, во многом связанные с неуживчивым характером Верди. Особенно это проявлялось в Буссето, округе, где он родился и провел свои детские годы. Композитор и его возлюбленная редко выходили в общество и никого не принимали. Когда же выезжали в коляске осматривать свои владения, сухо приветствовали, если в этом возникала потребность, тех, кто встречался на пути. Но эту пару тоже не особо жаловали. Особенно Джузеппину: ее сторонились, не здоровались, когда она одна проходила по площади этого небольшого городка.

Безусловно, невесело жилось Джузеппине с таким человеком, хотя и с гениальным. Он либо замыкался в упрямом молчании, либо ворчал на всех и вся – на слуг, на крестьян, которые, по его мнению, плохо работали и воровали, на батраков, не выполняющих свой долг. Жаловался он на дорогую жизнь, на городской рынок, который его раздражал своими ценами и торговцами, на ливень, затопивший поля, на оросительные каналы, которые постоянно засорялись.

Верди постоянно боялся обмана и предательства, поэтому ко всем относился с недоверием. Часто он был груб, резок, порой даже жесток. Когда Верди проходил по комнатам, все сразу же умолкали и прятались по углам, чтобы лишний раз не попадать ему на глаза. Стреппони тоже старалась быть незаметной, чтобы своим присутствием не раздражать своего возлюбленного.

На своей вилле он не принимал никого. Иногда позволял явиться доктору, и то лишь в том случае, если чувствовал приступ какой-нибудь из воображаемых болезней, которые постоянно преследовали его. Если же из знакомых кто-то писал композитору, что хотел бы навестить его, Верди язвительно отвечал: здесь нет ничего интересного, только четыре стены, крыша,

самый обычный сад, деревья да яма, заполненная водой, которая называется озерком. И не стоит тратить время и силы на путешествие.

Джузеппина в этой обстановке ощущала себя пленницей. Она долгими осенними и зимними месяцами смотрела, тяжело вздыхая, в окно и видела лишь покрытые снегом поля, голые деревья и свинцовое небо. Верди, наоборот, чувствовал себя в этой пустыне хорошо. Общаться с людьми и миром ему не хотелось.

Постепенно композитором стала овладевать почти болезненная страсть к сельскому хозяйству. Он чуть ли не каждый день стал проводить то в поле, где наблюдал за урожаем, то ухаживал за фазанами или за птенцами павлинов, которыми очень гордился. И во всех этих экскурсиях его сопровождали любимые собаки Лулу и Блэк. По этому поводу Стреппони замечает: «Любовь Верди к сельской жизни стала манией, безумством, сумасшествием». Когда же он хотя бы на недолгое время покидал свое имение, то слал работникам такие подробные распоряжения, словно он был не композитор, а рачительный фермер.

Казалось бы, привыкшая к образованному обществу и шумной артистической жизни Джузеппина должна была в первые же месяцы сбежать от такого деспота. Но вместо этого Джузеппина Стреппони и Джузеппе Верди тайно уезжают в Коллонж-су-Салев, где 29 августа 1859 года сочетаются браком. А засвидетельствовали это событие звонарь и кучер. Мероприятие прошло почти незаметно: без друзей, без торжественного застолья, без свадебного путешествия. Но и после бракосочетания никаких изменений в характере Верди не произошло. Наоборот, он стал еще несноснее и даже начал бравировать своими недостатками...

И только в конце 1867 года наконец его характер стал немного спокойнее. Вместе с женой, дирижером Мариани и его возлюбленной – певицей Терезой Штольц он две недели провел в Париже. Именно в это время он и увлекся певицей. Сначала Верди пытался противостоять этой любви, но потом отдался ей целиком.

Певица тоже увлеклась Верди. А вскоре рассталась с обуреваемым ревностью Мариани. Страдания одолевают и Стреппони. Она вспоминает то чудесное время, когда Верди принадлежал одной лишь ей, и слезы грусти наворачиваются на ее глаза. И пусть он был нетерпимым, грубым, однако он был ее. Погрузившись в свое горе, Джузеппина почти совсем отрезилась от жизни. При этом она даже пыталась скрыть свое душевное состояние от Верди, поэтому старалась держаться так, словно в отношениях между нею и мужем ничего серьезного не произошло.

В это же время в обществе стали распространяться слухи, которые к тому же обрастали разного рода домыслами, о запутанных взаимоотношениях Верди, его жены, а также Штольц и Мариани.

Джузеппина все еще надеялась, что ее муж одумается. Но ее надежды не оправдались. К тому же в доме часто стала появляться Штольц, которая являлась на репетиции «Аиды». Джузеппина видела, что ее почти не замечают, а проявляют редкую любезность только из-за светских приличий. С каждым днем она становилась мрачнее, старалась не показываться на глаза мужу, редко выходила из дома, до минимума свела свои контакты с окружающими.

В семейных отношениях появились трещины. Джузеппина едва выдерживает такую жизнь. Ее терпение постепенно иссякает. Наконец выдержка ей изменяет, и она пишет Верди очень резкие строки, решительно обвиняя его в предательстве. А он? Сказать трудно. Но, скорее всего, его ответ был, как и раньше, «убийственным и грубым»...

Описывать все перипетии этой истории нет смысла. Одно можно сказать, что она длилась долго и на всем ее протяжении Штольц чувствовала себя настоящей хозяйкой в семейном доме Верди. И все же, несмотря на все неурядицы, Джузеппе и Джузеппина не расстались...

14 ноября 1897 года в 4 часа дня 82-летняя Джузеппина вздохнула в последний раз, и ее голова беспомощно упала на подушку. Верди оцепенел от горя, а затем заплакал, словно ребенок: громко, не сдерживая слез. Видимо, в тот момент он осознал, кем была для него Джузеппина и кого он навсегда потерял в этот миг.

Гектор Берлиоз: слезы любви и горя

В жизнь французского композитора Гектора Берлиоза выдающаяся драматическая актриса Гэрриет Смитсон вошла в сентябре 1827 года, когда в «Одеоне» группа английских актеров играла трагедию великого Шекспира «Гамлет». В ней Смитсон исполняла роль Офелии. Гектор присутствовал на этом спектакле и был потрясен не только игрой актрисы, но и ее красотой.

Затем были новые представления, в которых Смитсон также блистала. И каждый раз, увидев ее на сцене, Гектор погружался в транс, сопровождаемый забытьем и безотчетными блужданиями. Он мог отключиться в любом месте: на снопах в поле, на лугу, на берегу Сены. А однажды забытье застало его за столиком в кафе «Кардинал». В таком состоянии он находился пять часов, к великому ужасу официантов, которые посчитали его мертвым.

Вскоре Гектор уже не мог довольствоваться лишь лицезрением актрисы на сцене. Чтобы увидеть ее поближе, он стал часами бродить у театрального подъезда. Она же проходила мимо, даже не удостоив его мимолетного взгляда.

А спустя недолгое время актриса и вовсе покинула Париж и отправилась сначала в Амстердам, а затем на свою родину, в Лондон. Но Гектор продолжал преследовать ее, регулярно отправляя на адрес Гэрриет письма.

Казалось, ничто не могло заглушить неистовую страсть молодого композитора к известной актрисе. И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, в чувствах Гектора произошла резкая перемена: он неожиданно влюбился в юную и очаровательную Камиллу Мок. Более того, он решил жениться на ней. Благо и возлюбленная была согласна стать его женой. Правда, ее матушка считала, что Камилла достойна более привлекательной партии. Но после ошеломляющего успеха «Фантастической» симфонии Берлиоза и лавины почестей, которые свалились на него, мадам Мок смягчилась и вскоре стала называть Берлиоза «мой дорогой зять».

Казалось, все складывалось как нельзя лучше. Правда, единственное, что омрачало счастье Берлиоза, – скорая поездка в Рим, где ему предстояло пробыть в разлуке с милой Камиллой почти целый год. Гектор даже пытался хлопотать, чтобы его оставили в Париже, сохранив стипендию. Но получил отказ.

Итак, Италия. Но красоты Флоренции и Рима его волнуют мало: все его мысли заняты Камиллой. Он каждый день ждет от нее весточки. Но писем все нет и нет. И вот, наконец, 14 апреля 1831 года он дождался желанного послания. Однако, к удивлению Гектора, адрес на конверте был написан не рукой Камиллы, а ее матери. Берлиоз с нетерпением распечатывает конверт. Читает...

«Ее достойная маменька обвиняла меня в том, что я внес смятение в семью, и сообщала о свадьбе своей дочери с господином П... – писал впоследствии в своих «Мемуарах» Берлиоз. – Слезы ярости брызнули у меня из глаз, и в тот же миг было решено: лечу в Париж и там без всякой пощады убиваю двух виновных и одного невиновного. Разумеется, что, совершив сие благое дело, мне предстояло убить и себя». Вот так, не больше и не меньше!

Для осуществления своего замысла он приобрел два двухзарядных пистолета и пузырек с ядом. А чтобы гарантировать полный успех своему тайному замыслу, он даже рушил явиться в стан своих врагов в наряде горничной.

И вот, вооружившись до зубов, Гектор отправился в Париж. Однако, когда цель была совсем рядом, решимость покинула его. А в Генуе он и вовсе отказался от своей затеи, посчитав, что умирать, не достигнув головокружительной славы, глупо...

А 9 декабря 1832 года Гектор вновь увидел свою Офелию. И с первого мгновения опять неистово запыхал. А Гэрриет? Она, скорее всего, первое время терпела его, потом смирилась

и, наконец, свыклась с его присутствием. В этот период их отношения были далеко не безоблачными: ссоры сменялись примирениями, пламя страсти холодом отчуждения...

Но Гектор уже во власти Гэрриет, а она – во власти Гектора. Опьяненный счастьем взаимной любви, композитор отправил отцу письмо, в котором сообщает, что собирается связать свою судьбу с ирландкой Гэрриет Смитсон. Однако родители не дали согласия на брак. Да и Гэрриет пока ничего конкретного по этому поводу не сказала. К тому же между влюбленными продолжали вспыхивать шумные скандалы. А в конце августа, в разгар очередной громкой ссоры, Гектор даже намеревался в комнате Гэрриет свести счеты с жизнью.

«Она упрекала меня в том, – писал он, – что я ее не люблю. В ответ, впав в отчаяние, я принял яд у нее на глазах. Душераздирающие крики Гэрриетты!.. Предел отчаяния!.. Мой жуткий смех!.. Желание вернуться к жизни при виде необыкновенных свидетельств ее любви!.. Рвотное... Ипекакуана!.. Меня выворачивало два часа!.. Два дня я был болен и выжил».

Видя, как Берлиоз теряет рассудок от нахлынувшей страсти, его друг Жюль Жанен предпринимает следующий шаг: как-то раз он познакомил Гектора с невероятно красивой девушкой, которая, правда, чем-то походила на затравленного зверька. Ее история была печальна. Девушку купил один богатый старик, который поместил ее в подвал, чтобы заставить стать его возлюбленной.

История ее жизни настолько растрогала Гектора, что он чуть не разрыдался от сострадания. И тогда Жанен посоветовал другу отправиться с молодой красоткой в Германию, где композитор планировал совершенствовать свое образование.

Точно неизвестно, провела ли Гэрриет об угрозе отъезда своего возлюбленного с новой пассией, или ее к этому толкнули другие причины, во всяком случае, она наконец сказала «да». Услышав об этом, Гектор чуть ли не впал в забытие. А та девушка с горестной судьбой, в которую он влюбился, неожиданно исчезла.

И вот, 30 октября 1833 года состоялось бракосочетание Гектора Берлиоза и Гэрриет Смитсон: они стали мужем и женой, обретя наконец счастье в объятиях друг друга. Еще большую радость испытали влюбленные, когда 14 августа 1834 года родился маленький Луи.

Казалось бы, чего еще желать. Но семейную жизнь омрачали козни завистников, которые были настолько успешными, что перед Берлиозом практически были закрыты сцены всех парижских театров. А такая ситуация, безусловно, самым худшим образом отражалась на материальном положении маэстро. В поисках средств существования приходилось не только колесить по Европе, где его успех был невероятен, но даже отправляться в провинцию, чтобы получить дополнительную сотню-другую франков.

Кроме коварства недоброжелателей, Гектор испытал и другие, не менее жестокие удары судьбы. 14 февраля 1837 года скончалась его мать; затем, в начале 1839-го, тихо угас его восемнадцатилетний брат Проспер...

Не меньше огорчали Гектора и те незначительные ссоры, которые каждодневно происходили в его семейной жизни. Лишенная опьяняющего успеха на сцене, прикованная к дому из-за ребёнка, Гэрриет становилась неуживчивой и ревнивой. Она постоянно обследовала одежду и густую шевелюру мужа, готовая броситься на него при малейшем подозрении в неверности. Гэрриет пыталась найти следы измен мужа в его фельетонах, в перехваченных письмах, в записках...

Мисс Смитсон, выходя замуж за Берлиоза, была и так не первой молодости. А теперь она вдруг заметила, что начинает вянуть буквально день ото дня. Но чем больше она старела лицом, тем больше молодела сердцем. А вместе с этой душевной молодостью росла и ее любовь к Гектору, заставляя страдать и ее, и его.

Гектор же, в то время как его супруга сторала от ревности, флиртовал с многочисленными красотками, расточая им комплименты. Наконец, в начале 1842 года, его страстное сердце замирает от восторга при виде молодой смазливой певички Марии Ресио.

Уже в сентябре того же года вместе с Марией он отправляется в Брюссель, где надеется поправить свое материальное положение. Но, увы, надежды не оправдались, и он вынужден возвратиться к семейному очагу. Гэрриет взбешена. Но остановить Гектора она не может.

В январе 1843 года, когда дома отсутствовали жена и маленький сын, Гектор покинул семью и вместе с Марией Ресио уехал в Германию, где надеялся услышать беспристрастное мнение о своей музыке...

Берлиоз вертелся, словно белка в колесе. Он переезжает из одной европейской столицы в другую, и всюду его выступления сопровождают шквал оваций, восхищенные отзывы прессы и немалые денежные доходы. Особенно успешной оказалась поездка в Россию. Но средств все равно не хватало. Как-никак, а ему приходилось содержать две семьи: Гэрриет с сыном и Марию с матушкой.

Конечно, все было бы по-другому, если бы его приняли на родине. Но, увы, несмотря на победоносные сообщения, поступавшие из Вены, Берлина и Петербурга и публиковавшиеся в парижских газетах взволнованные отклики, столица Франции не соизволила заметить возвращение Гектора.

Помимо проблем с театральной общественностью, на Гектора свалилось также немало бед и семейного характера. В 1848 году умер его добрый отец доктор Берлиоз. С катастрофической быстротой ухудшалось и здоровье Гэрриет: она уже почти не поднималась с кровати. И чем ближе подходила Офелия к смерти, тем больше винил себя Гектор. Его угнетало жестокое раскаяние, мрачные угрызения совести за свое отношение к ныне парализованной, обиженной судьбой женщине, которую он когда-то страстно любил, а потом заставил горько страдать. Наконец, 2 марта 1854 года сердце Гэрриет перестало биться. Узнав о роковом конце жены, Гектор долго рыдал, вспоминая прошлое...

А 19 октября 1854 года Гектор и Мария Ресно стали мужем и женой. Свадьба была скромная и невеселая, и прежде всего от того, что над ней витала смерть Офелии. Мария, умиротворенная замужеством и избавленная от ревности, стала спокойнее, покладистее, преданнее. Успокоился демон страсти и в душе Берлиоза: наступила умеренная привязанность...

Но в 1860 году смерть снова напомнила о себе: 2 марта умерла любимая и верная сестра композитора Адель. Она была на десять лет моложе Гектора, и поэтому его горе было вдвойне тяжелее и слезы обильнее. Но не успела затянуться эта рана, как через год на Берлиоза обрушилось новое горе. 13 июня, в пятницу смерть совершила новое злодеяние: на этот раз ее жертвой стала сорокавосемилетняя Мария...

Жизнь маэстро неумолимо катилась к закату: он приближался к своему шестидесятилетию. Однако, несмотря на возраст, потребность любить и быть любимым у него все еще не иссякла. Утешительницей одинокого измученного сердца Гектора в этот период стала некая Амелия. О том, когда и как появилась эта странная связь, история умалчивает, хотя и поясняет, что Амелия была молода и очень хороша собой. И, видимо, щадя ее нежную молодость, от своей новой избранницы он ничего, кроме искренней теплоты и нежного сострадания, не требовал. А еще через некоторое время он и вовсе расстался с ней.

После смерти Марии и расставания с Амелией Гектор все чаще и чаще стал посещать кладбище. Там, среди надгробий и старых деревьев, он бродил и грезил наяву.

А однажды, во время очередной ночной прогулки по погосту, Берлиоза вдруг охватил неопишуемый ужас, а к горлу подступил комок. На свежей мраморной плите он увидел скромную эпитафию: «Здесь покоится Амелия... безжалостно унесенная жестокой судьбой на 26-м году жизни». Имя, фамилия, возраст. Конечно же, это она... Боль и страдание заполнили сердце Гектора, и он, словно подкошенный, свалился на соседнюю могилу...

В последнее время, после потерь стольких родных и близких людей, весь мир для Берлиоза сосредоточился на сыне. Он днем и ночью думал о своем мальчике, призывая в письмах хотя бы на короткое время посетить отчий дом...

Как-то после очередной, живительной для Берлиоза, встречи с сыном он вдруг очень явственно почувствовал, что ему необходима гавань для душевного отдыха, в которой можно было бы хоть на время спрятаться от треволнений внешнего мира. И в поисках этого убежища для своей измученной души он все глубже погружался в историю своей жизни. И вот однажды его сердце взволнованно забило: в нем опять вспыхнула страсть к Эстелле...

Гектору едва минуло 12 лет, когда он впервые влюбился. И предметом его страсти стала семнадцатилетняя Эстелла Дюбеф, гостившая в ту пору у родственников. «Увидев ее, я словно почувствовал электрический удар. Я полюбил ее – этим все сказано... Целые ночи напролет я пребывал в отчаянии... Ревность терзала меня при всяком незначительном слове, с которым мужчины обращались к моему кумиру... Мне было тринадцать лет, когда я потерял ее из виду... Мне было тридцать, когда, возвращаясь из Италии через Альпы, я различил вдали утес Сент-Эйнар, и белый домик, и старинную башню... Мои глаза заволокло слезами... Я все еще ее любил... По приезде я узнал, что она вышла замуж. Но это вовсе не исцелило меня».

И вот в начале сентября 1864 года Гектор появился в Леоне, где в это время проживала Эстелла. А уже на следующий день, утром, он передал ей письмо, в котором умолял о встрече.

Наконец они наедине, друг подле друга. Сначала миг удивления, а затем рассказы о себе. А в самом конце этого странного свидания Гектор неожиданно произнёс: «Умоляю, дайте мне вашу руку, сударыня». Она протянула. Опустив глаза, он поднес эту морщинистую руку к своим губам. И почувствовал, как замирает его сердце. Он близился к смерти, но любовь продолжала неистовствовать в нем.

Однако Эстелла охладила пыл пожилого романтика. И при последующих встречах она вела себя в соответствии со своим возрастом и положением вдовы. Гектор же, несмотря на годы, был неизменно пылким и от каждой новой встречи испытывал романтический прилив чувств. «Такого рода страданья мне необходимы. У меня нет иного интереса в жизни», – писал он ей в Женеву. В данном случае Гектор не лукавил. Он и впрямь всем своим сердцем любил Эстеллу. Однако она этой вспышки чувств так и не поняла...

29 июня 1867 года. В этот день несколько близких товарищей Берлиоза решили организовать его чествование. Однако в назначенное время, в 9 часам вечера, Гектор не появился. Собравшиеся встревожились и отправили пианиста Риттера выяснить причину отсутствия композитора.

Тягостная картина предстала перед Риттером: на полу, обливаясь слезами, корчился Берлиоз. Его губы дрожали, слова прерывались тягостными стонами. «Это я, я должен был умереть, а не он, такой молодой», – словно заклятие, тихо бормотал он. Какой ужас! Берлиоз говорил о своем сыне Луи, который 5 июня умер на Кубе, сраженный желтой лихорадкой. Ему было всего тридцать три года!

И все те два года, которые Берлиозу предстояло еще прожить на этом свете, его терзали одни и те же вопросы: «Как он умер? Какие последние слова он произнес холодеющими губами? Где это случилось – в Гаване или в открытом море?»

И кто знает: возможно, 8 марта 1869 года, когда смерть уже витала над Гектором, его последние мысли были тоже заняты его любимым Луи, с которым он надеялся вскоре встретиться в загробном мире....

Тайная любовь Сезанна

Можно сказать, что великий французский живописец Поль Сезанн умирал, не выпуская кисти из рук. И вряд ли это будет большим преувеличением...

1906 год. Октябрь. 13-го и 14-го над небольшим французским городком Эксом громыхла гроза вперемешку с проливным дождем. 15-го погода прояснилась. После обеда Сезанн покинул свою мастерскую в Лове, чтобы на природе поработать над этюдами.

Однако небо снова затянулось, и загромыхла гроза. Но, несмотря на проливной дождь, Сезанн продолжал работать. Проходили часы. А художник по-прежнему стоял у мольберта. Наконец, промокнув до нитки и дрожа от холода, он собрался домой.

Двигаясь по раскисшей от дождя дороге, Сезанн едва передвигал ноги. И вдруг в какой-то миг он свалился без чувств. Вскоре его неподвижное тело обнаружил работник местной прачечной и доставил домой почти в бессознательном состоянии. Срочно был вызван врач, и одновременно о состоянии Сезанна сообщили его сестре Марии.

Сознание возвратилось к художнику, когда он уже находился в постели. С большой неохотой, под давлением доктора, принял предписанные лекарства. Врач назначил постельный режим. Однако назавтра, несмотря на указания доктора, Сезанн поднялся с кровати и отправился в мастерскую писать неоконченный портрет. Но Сезанн опять почувствовал слабость и вынужден был вернуться домой. Правда, в этот раз болезнь его свалила надолго. Но даже в эти дни его тянуло к мольберту.

Но, увы, эта тяга к рабочему инструменту была всего лишь временной вспышкой энергии. Болезнь, уже полностью овладевшая телом художника, стала развиваться с невероятной быстротой. 20 октября 1906 года Мария сообщила сыну художника Полю, что ему следует явиться в родительский дом «так быстро, как только возможно».

А состояние Сезанна все ухудшалось. Он то проваливался в забытие, то приходил в сознание. В минуты просветления художник непрерывно твердил имя сына и смотрел на дверь, видимо, ожидая, что она вот-вот откроется и войдет его Поль. Но сын так и не появился. Глаза уже неподвижного Сезанна продолжали смотреть на дверь. Спустя сутки, 22 октября 1906 года, в возрасте 67 лет Поль Сезанн скончался...

Кстати, история, связанная с отцовством Сезанна, довольно необычна. Началась она в 1870 году. Сезанн, замкнутый и всегда с опаской относившийся к противоположному полу, но, в то же время при виде обнаженного женского тела волновавшийся до головокружения, однажды все же поддался чарам одной из своих натурщиц. Высокую, стройную блондинку с карими загадочными глазами звали Мария-Гортензия Фике. Ей недавно исполнилось девятнадцать лет. Сезанну стукнуло тридцать один.

Девушка работала в типографии. Но, чтобы немного увеличить свой скромный доход, позировала художникам. Она отличалась одним важным для натурщиц качеством: Фике беспрекословно выполняла все требования художников. Возможно, именно этой своей покорностью она и растопила сердце Сезанна?

Плодом этой страстной любви стал мальчик, родившийся 4 января 1872 года. Назвали его Полем. Но с появлением сына значительно усложнилась и жизнь художника: на свое холостяцкое содержание, положенное ему отцом, Сезанн теперь должен был содержать еще и семью.

Более того, обстоятельства вынуждали художника эту сторону своей личной жизни от отца скрывать: Сезанн опасался, что отец, узнав об этой связи, совсем лишит его материальной поддержки...

Восемь лет художник скрывал от родителя свою тайну. Чего только он для этого не придумывал! Но, как говорится, нет ничего тайного, что однажды не стало бы явным. Вскрыв очередное письмо к сыну, отправленное его возлюбленной, отец наконец-то узнал о незакон-

ной его связи. Оскорбленный и торжествующий, Сезанн-старший пригрозил сыну урезать его содержание до ста франков в месяц. И в начале апреля он свое обещание сдержал. К счастью, о своем решении старик вскоре забыл.

Но весной 1885 года случилось событие, которое полностью вывело отношения Сезанна и Гортензии из тени. Художник в это время неожиданно для себя влюбился в пышногрудую и разбитную служанку Фанни.

Однако вскоре о его любовном приключении узнали родные. Не правда ли, странно быстрое разоблачение? А ведь связь с Гортензией он скрывал несколько лет. Возможно, Фанни настолько покорила и увлекла художника, что он потерял всякий контроль над своим поведением: влюбленные слепы. Но, как бы там ни было, все немедленно ополчились против Сезанна.

И в первую очередь незаурядную активность проявила Гортензия. К тому же неожиданно ее сторону приняла Мария. Сестра больше не могла терпеть сумасбродств брата: незаконная связь, внебрачный ребенок, живопись, а тут еще эта невесть откуда свалившаяся любовь. Нет, с нее хватит! Чтобы не допустить очередного скандала, Поль должен жениться на матери своего ребенка. Причем не откладывая это событие в долгий ящик.

Но Сезанн неожиданно проявил завидное упорство. Он решил во чтобы то ни стало остаться с Фанни, осветившую его дни страстной любовью, вернувшей ему частицу юности и веру в жизнь.

Однако Мария решила идти до конца. И, воплощая свой замысел, она первым делом выгнала Фанни. Затем принялась за брата: она буквально преследовала его и при каждом удобном случае укоряла.

Жизнь Сезанна превратилась в кошмар. Отказываясь разорвать отношения с Фанни, он, словно загнанный, метался между ней и Гортензией, пока не потерял самоконтроля и не уехал в Париж к Ренуарам. Но Гортензия мертвой хваткой вцепилась в художника. И вскоре она тоже появилась в доме Ренуаров. Не выдержав столь мощных атак, Сезанн сдался: 28 апреля 1886 года, спустя шестнадцать лет после знакомства с Гортензией, в мэрии Экса он наконец-то оформил с ней брачные отношения.

А буквально за три недели до этого события произошел разрыв отношений между Сезанном и его старинным другом Золя. Судьба распорядилась так, что Поль Сезанн и Эмиль Золя учились в одной школе. С тех пор и завязались между ними крепкие товарищеские отношения, со временем переросшие в настоящую мужскую дружбу.

В трудные минуты жизни они помогали друг другу не только словом, но и материально. Например, когда отец Сезанна узнал о связи сына с Гортензией и наполовину урезал ему помощь, Золя, тогда уже известный и обеспеченный писатель, неоднократно оказывал материальную поддержку своему другу.

А поводом для разрыва послужил роман Эмиля «Творчество», в котором, как показалось Сезанну, писатель под именем Клода Лантье показал судьбу самого художника. Разумом Сезанн понимал, что герой «Творчества» – это собирательный персонаж. Но чувства ему нашептывали другое: сочиняя, Золя, возможно, наперекор желанию, высказал все свои мысли о картинах своего друга.

Самым же обидным для Сезанна было то, что старый друг повел себя с ним как с врагом и даже «похоронил». «Да почит в мире», – читал священник. «Аминь!» – отвечал мальчик-певчий».

Разочарование Сезанна в друге оказалось настолько глубоким, что он решился на разрыв. «Дорогой Эмиль! Я только что получил “Творчество”, которое ты мне любезно послал. Благодарю автора “Ругон-Маккаров” за память, прошу позволить пожать ему руку, вспоминая старые времена. Под впечатлением прошлых лет. Искренне твой Поль Сезанн».

Скомканное и безличное письмо Сезанна оказалось последним посланием, которое художник отправил своему другу.

Идеал Рембрандта

Свою будущую жену – дочь бургомистра из богатого фрисландского рода Саскию Ван Эйленбурх – голландский художник Рембрандт ван Рейн (1606–1669) встретил в доме ее кузена. Однако выбор Саскии ее подругам из высшего общества не совсем нравился. «Он же неотесанный мужлан», – с пренебрежением говорили они. Но Саския, улыбаясь, отвечала: «Зато с ним ночи превращаются в сказку, а дни – в праздник!»

В 1634 году они обвенчались. Рембрандт был на пике вдохновения: за два года он написал пятьдесят полотен! Причем настоящих шедевров: «Урок анатомии», «Автопортрет», «Даная»...

Он буквально боготворил свою «пышечку» и в течение восьми лет совместной жизни написал с нее несколько десятков картин. Но больше всего нравилась ему Саския в «Даная». И, возможно, поэтому он не выставил ее на продажу, а оставил у себя.

Саския, как и ее муж, мечтали завести детей. Но, словно подчиняясь злему року, они умирали в младенческом возрасте. Судьба пощадила лишь Титуса – единственного из четырех родившихся детей.

Как-то ночью Саския неожиданно обратилась к мужу с просьбой принести ей перо и бумагу. Получив письменные принадлежности, она стала писать... завещание. Все свое состояние она отказывала мужу, но только при одном условии: что он до конца жизни останется верен ей и больше никогда не женится.

А спустя всего несколько дней – 14 июля 1642 года – 30-летняя Саския отошла в мир иной. На руках у художника остался сын Титус, которому недавно исполнилось девять месяцев. После смерти жены Рембрандт ничего не ел, бредил, и друзья стали опасаться за его разум.

Но со смертью Саскии жизнь не остановилась на месте. Тем более что рядом с Рембрандтом находился его малыш. И для ухода за ним срочно требовалась нянька. Выбор был не богат. И кто-то из знакомых посоветовал художнику пригласить вдову трубача, сорокалетнюю фламандку Гертье Диркс. И в марте 1643 года она впервые переступила порог дома Рембрандта: молодая, крепкая...

Двенадцать лет хранил Рембрандт верность Саскии. Но на тринадцатом году он нарушил свой обет, соблазнившись симпатичной Гертье, которая первой проявила активность. И после нескольких горячих ночей Рембрандт подарил любовнице кольцо с обещанием жениться на ней. С этого времени Гартье стала законной хозяйкой дома, продолжая по-прежнему искренне любить маленького Титуса, в пользу которого даже составила завещание.

Но если в домашней жизни у Рембрандта все было более-менее в порядке, то его дела складывались неважно. Случилось все после картины «Ночной дозор», которую художнику в 1642 году заказала Корпорация амстердамских стрелков. Но картина стрелкам не понравилась. С этого момента от произведений Рембрандта отказалось большинство богатых покупателей.

С каждым месяцем заказов становилось меньше, сбережения таяли почти на глазах, а вскоре художника стали одолевать кредиторы. Работал он без малейшего вдохновения. А однажды снял со стены «Даная» и долго колдовал над ней кистью...

Около 1647 года Рембрандт неожиданно пригласил к себе новую служанку – молоденькую Хендрикье Стоффельс. Он влюбился в нее с первого взгляда. Маленькая Хендрикье в свои двадцать лет безумно напоминала Саскию. Гертье стала ревновать. Однажды, в порыве накопившегося отчаяния, она выдернула из ушей подаренные Рембрандтом серьги и бросила их ему в лицо.

В 1649 году Гертье обратилась в суд с жалобой на художника: она обвинила его в несоблюдении условий завещания. А меньше чем через год она оказалась в сумасшедшем доме,

причем ее содержание оплачивал сам художник. Было ли это великодушием со стороны Рембрандта, или, наоборот, он специально упрятал Гертъе в лечебницу, мы уже, скорее всего, никогда не узнаем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.